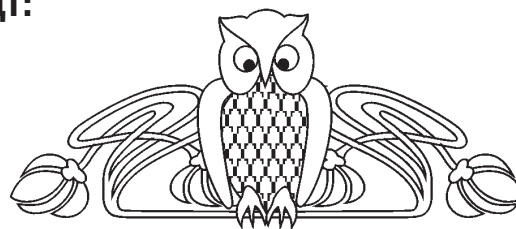

УДК [1: 316] (430) + 929 Арендт

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ХАННЫ АРЕНДТ: ПОЛИТИКА И ЭТИКА

Ломако Ольга Михайловна –
доктор философских наук, профессор кафедры
теоретической и социальной философии,
Саратовский государственный университет
E-mail: olga-lomako@yandex.ru

Статья посвящена анализу политических, этических и экзистенциальных оснований бытия человека в социальной философии Ханны Арендт. Являясь по своей сути политической, эта философия направлена на историческое восприятие общества в его человеческом измерении, от древних греков до современной Европы. Основные понятия философии Арендт – «свобода» и «лишение свободы». Речь идет об истоках тотального господства, о необходимости преодоления его последствий в современной цивилизации через этический диалог и политическое действие. Рассматривается историческое развитие типов власти в условиях формирования различных политических форм общества. Социально-философский анализ взаимосвязи политики и этики в процессе их исторической трансформации осуществляется через концепты «банальность зла», «*vita activa*», «новая защищенность». **Ключевые слова:** немецкая философия, Арендт, экзистенциализм, социальная философия, этика, политика, история, массовое общество, отчуждение, публичное пространство, плюрализм.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-21-25

Вопрос о взаимоотношениях государств и народов, также как и проблема диалога цивилизаций, наций и этносов – это настоящий вызов социальным наукам. Драматизм современных межэтнических и национальных отношений обнажает всю неизбежность философского анализа проблемы взаимосвязи политики и этики. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: какие формы взаимодействия политики и этики могли бы быть сегодня наиболее эффективными? Вполне очевидно, что поиск ответа на этот вопрос требует осмысления исторического опыта как Европы, так и России. В этом смысле обращение к социально-философскому наследию всемирно известного немецкого учёного, философа и политолога Ханны Арендт (1906–1975) представляется и своевременным, и актуальным, поскольку её творчество направлено на разработку новой теории политики, неотделимой от этического содержания.

Важной проблемой для Х. Арендт является исследование истоков и оснований в истории человечества специфической формы политического господства – тоталитаризма. Она исходит из того, что человечество находится в глубоком кризисе, и пытается обнаружить основные черты этого кризиса через анализ основных структурных свойств тотального господства (террора,

роли тайной полиции и т.д.), которые имелись в гитлеровской Германии и в сталинской системах власти [1, с. 703]. Используя для социально-философского анализа богатый исторический и социологический материал, философ старается понять уникальность этих систем в истории человечества, их презрение к человеку и пренебрежение человеческим. При этом она сталкивается с особым человеческим типом, менталитет, личные качества и действия которого играют важную роль при возникновении и функционировании тотального господства – «человек массы» или «человек-масса» (*Massenmensch*).

В 1990 г. началась работа над переводом на русский язык фундаментального труда Х. Арендт «Истоки тоталитаризма», который вышел в России в 1996 г. В этой работе анализируются элементы и истоки тоталитаризма в Германии и России, имеющие много общего. Человека к тоталитарному миру подготавливают такие экзистенциальные состояния, как одиночество и беспомощность в массовом обществе, которые в XX в. становятся повседневным массовым опытом. Уничтожая всякие созидательные потенции человеческой изоляции, не оставляя места для личного, интимного пространства [1, с. 978], тоталитаризм, по сути, является бегством от реальности массового одиночества.

Согласно Х. Арендт, тоталитаризм – это, прежде всего, система массового террора, обеспечивающая атмосферу всеобщего страха – тотального, пронизывающего все поры общества. Отмечая тот факт, что литература о системах тоталитаризма в Германии и России «полна жалобами на монолитную государственную структуру», автор последовательно отвергает это утверждение как совершенно не соответствующее действительности. Напротив, тоталитарное правление было бесформенным из-за сложных отношений между двумя источниками власти – партии и государства, при этом правительственная машина представляла собой некий немощный фасад, который скрывал реальную власть партии.

На месте удвоения канцелярий и политических аппаратов появляется в процессе развития

другой феномен, который Х. Арендт определяет как мультипликацию (умножение) служб. Человек должен был развить в себе «шестое» чувство, некое «звериное чутьё», чтобы интуитивно угадывать, чему подчиняться, а на что не обращать внимания. Не в лучшем положении находились и сами исполнители распоряжений руководства, считавшиеся обязательными с точки зрения интересов движения. При этом центр власти постоянно смещался, он переносился в разные организации, разумеется, без всяких обоснований и объяснений, совершенно анонимно.

Умножение канцелярий не только чрезвычайно облегчало постоянное перемещение власти: в этическом смысле оно служило формированию субъективной безответственности за содеянное зло. Х. Арендт вводит понятие, которое по праву сделало её широко известной за пределами круга философов, теологов, учёных – «банальность зла». Трагическая суть его в том, что новый тип преступника – виновника массового уничтожения людей – стало ужасающе нормой. Х. Арендт со знавала, что формулировка «банальность зла» является оппозицией литературного, теологического и философского традиционного толкования зла. До сих пор зло понималось как нечто демоническое или как действие, в основе которого лежит воля к злу, и не столь важно, стимулируется эта воля ненавистью, завистью или алчностью. Этим видимым формам зла она противопоставляет тезис, что зло может быть также результатом «повседневного и тривиального дефицита», а именно «дефицита способности или готовности думать», т.е. бездумности. В тезисе о банальности зла речь идёт о том, чтобы раскрыть менталитет людей, которые в рамках тотальной диктатуры становятся массовыми убийцами не «под масками честных и простодушных людей», а являются на самом деле таковыми – честными и простодушными. Они субъективно не чувствуют вины, будучи убеждены в том, что добросовестно выполняют приказы вышестоящих инстанций и, стало быть, хорошо и добросовестно исполняют свою работу [2, с. 28].

Человек попадал в парадоксальную ситуацию: оказываясь политическим номадом, лишаясь укоренённости и какой бы то ни было защищённости в сфере интимности и приватности, он лишался возможности любой самоидентичности, в том числе и политической.

Процессы распада национальных государств и классовых структур лишают человека возможности идентификации через принадлежность к определённому, отличному от других социальных классов общественному слою. Политические партии тоже потеряли свою функцию идентификации для социальных группировок, представителями

интересов которых они были в течение продолжительного времени. Они стали мировоззренческими партиями с неопределённой социальной принадлежностью.

Всё больше людей чувствовали себя оторванными от корней традиционных культурных ролей и сообществ, от этических норм идентичности и поведения, что привело человека к полной духовной и социальной бездумности и к отчуждению от своей сущности [1, с. 561]. Так возник социальный и политический феномен «массы» или «массовое общество». Ханна Арендт дефинирует понятие «масса». Только тогда, когда мы имеем дело с группами, которые не позволяют себя структурировать ни в какие организации, основанные на совместных интересах в совместно познаваемом и управляемом мире, либо потому, что они слишком многочисленны, либо потому что они равнодушны к общественным делам, – только в этом случае речь может идти о «массе». Потенциально такие группы существуют в любой стране и в любое время; часто они образуют даже большинство населения цивилизованных стран, оставаясь при этом в политически спокойные времена политически пассивными и удовлетворяясь тем, что не отдадут никому свои голоса и не вступают в партии [1, с. 502].

В социальном и мировоззренческом смысле не привязанный ни к чему человек массы, который избегает участия в общественных и политических событиях, представляет собой постоянную опасность для плюралистической демократической общественной системы. Вскрывая истоки тоталитаризма, Х. Арендт предупреждает об опасности потери человеком политической самоидентичности. Масса политически инертна, она не обладает собственной политической идентичностью. Тоталитарное движение придаёт массе форму и цель, делая её активной и агрессивной.

Исторический процесс зарождения и развития массового общества Х. Арендт связывает с империалистическим обществом, в котором «союз между капиталом и чернью стоит в начале всякой империалистической политики». Более того, в этом союзе черни и капитала инициатива перешла к черни, а традиция национального государства так же, как и рабочее движение, оказались бессильны этому помешать. Эту новую прослойку нельзя идентифицировать ни с одной социальной группой, она представляла изначально деклассированные элементы, что определяло её полную политическую и этическую безответственность. Неслучайно исторические пессимисты предвидели возможность нарастания пристрастия к анархизму и превращения демократии в деспотию [3, с. 18–21].

В качестве основной причины тотального господства Х. Арендт называет формирование современного массового общества. С этой проблемой связана её критика эпохи модерна, суть которой она определяет через понятие «отчуждение». Нарастающие тенденции формализации, рационализации и стандартизации в развитых индустриальных обществах имеют для человека катастрофические последствия: они ведут к нивелировке личности, к потере индивидуальности и к анонимности, лишая человека возможности осуществлять подлинное человеческое бытие. Из-за господства бюрократии и гипертрофированного управленческого аппарата человек лишается своей индивидуальности и возможности самоутверждения, он становится анонимной и манипулируемой «вещью». В этом аппарате он – легко заменяемый винтик в гигантском, неоглядном «технологическом универсуме», принуждаемый машинами и технико-рациональными вычислениями к повышению продуктивности производства. Его идентичность выражается всё более и более в ключевых фигурах, регистрационных цифрах, порядковых номерах [4, с. 192–193].

Человек массы, который является противоположностью идеалу настоящего человека, обладает, по мысли Х. Арендт, определенными ментальными свойствами и способами поведения: к ним относятся вера в теории заговора, наивная вера в безошибочность действий политических лидеров, циничное убеждение в том, что политика всегда обман, поэтому ложь не только позволительна, но и желательна. Как глубоко укорененный психический признак человека массы Х. Арендт отмечает тоску одиночества, которая приводит к бегству в фиктивный мир защищенности «массового общества», коим является политический террор.

В своём социально-философском анализе соотношения политики и этики Х. Арендт выражает опасения, что современное массовое общество создаёт потребителей, интересы которых далеки от интересов государства и политики. Идеалом истинного человека она считает гражданина, для которого чуждо вытеснение политики из его жизни, он включён в диалог, в публичное пространство. Этот человек имеет мужество быть публично ангажированным. Только через ангажированную речь и действие можно реализовать свою сущностную особенность – свободу [5, с. 229–230].

Заветной темой философии Х. Арендт становится также попытка создать новую теорию политического в ставшем классическим труде «*Vita activa*, или О деятельной жизни». Она разрабатывает специфическую теорию деятельности,

связывая с ней категории свободы, идентичности, спонтанности и плюрализма, а также идеалы «публичного пространства» и республиканской формы правления.

Философ руководствуется идеей античного полиса, поэтому центральное понятие «*vita activa*» (деятельная жизнь) толкуется ею как аристотелевское βίος πολιτικός (политическая жизнь), а не так, как в Средневековье, когда оно возникло. С появлением города-государства жизнь древнего грека разделилась на два измерения. Одно из них – приватное, соотносимое с домохозяйством и с семейной сферой, второе – публичное, которое соответствует пространству политического [5, с. 37–38]. Таким образом, древнегреческому миропониманию времён полисной организации свойственно как тождество социального и природного, так и единство политического и нравственного. Это проявлялось в дистанцировании приватного и политического: с одной стороны, политическая гиперактивность и солидарность, с другой стороны, невмешательство в частную жизнь друг друга. Идеалом полисной культуры стал человек политически нравственный.

Согласно концепции Х. Арендт, подлинное человеческое бытие можно осуществить только через действие в открытом публичном пространстве политического. Именно действие представляет собой фундаментальную деятельность, которая делает возможной высочайшее исполнение человеческого. Действие может осуществляться только совместно с другими в публичном пространстве, оно всегда есть политическое действие. «Публичное пространство» существует для каждой области жизни, в которой отдельные свободные индивиды создают совместное пространство общения. Первое условие осуществления человеческого бытия через действие есть плюрализм как совместное действие уникальных неповторимых личностей [5, с. 228]. Подобно К. Ясперсу, для которого «экзистенция», или «подлинное бытие с собой» не может быть понято только когнитивно, для Х. Арендт «подлинно личное» как подлинно человеческое бытие может осуществляться только через публичное, политическое действие, в котором различные индивиды в совместных усилиях благодаря творчеству достигают всеобщего блага. Необходимыми предпосылками этому служат свобода слова и дискуссия. И здесь образцом для Х. Арендт является античный полис.

Быть человеком политическим, жить в полисе означало, что все дела улаживаются с помощью обсуждения и убеждения, а не принуждением или насилием. Принуждать других

силой, приказывать вместо того, чтобы убеждать, считалось у греков до-политическим способом общения. Этот способ был обычен для жизни вне полиса, например, в обращении с домочадцами, в семейных делах, где глава семьи осуществлял деспотическую власть, а также в варварских государствах Азии, деспотическую форму правления которых греки часто сравнивали с организацией домохозяйства и семьи.

Говоря и действуя, мы включаемся в мир людей, и это включение подобно второму рождению, оно как бы подтверждает «голый факт нашей рождённости», как будто бы мы берём на себя ответственность за него. Ядром и категорией-ключом служит для Х. Арндт мотив радикального нового начала. Он описывается через метафору «рождённость» (*Geburtlichkeit*) или «*Natalität*»: в самом начале нашего прихода в этот мир заложен импульс, согласно которому мы по собственной инициативе начинаем что-то новое. В этом исходном смысле действовать и начинать – одно и то же. Поскольку всякий человек по причине своей рожденности есть *inicium* как пришелец и начало в мире, люди могут брать на себя инициативу становиться «начинателями». Действие и речь родственны, потому что действие отвечает специфической ситуации человека – существованию среди множества уникальных существ как среди равных себе только в том случае, если он способен ответить на вопрос: кто ты? Действуя и говоря, люди каждый раз обнаруживают, кто они суть. Лишь совершенное молчание и совершенная пассивность способны скрыть этого *кто*. Но если этот *кто* появится, им никто не сможет манипулировать [5, с. 230–234].

Всё это в полной мере относится также и к действию в политике, когда через постоянно имеющуюся возможность нового начала все детерминации и принуждения оказываются разорванными. Х. Арндт с концепцией действия связывает также и этические постулаты, на что указывает её обращение к таким человеческим способностям, как умение прощать, обязанность давать и сдерживать обещания, испытывать доверие и надежду, уважение к личности. «Способность прощать должна была бы остаться вне поля нашего рассмотрения, – отмечает Х. Арндт, – если бы христианство было право в том, что лишь любовь способна прощать» [5, с. 322]. Любовь, полагает она, касается очень узкой сферы, а в более широких областях речь идёт о личном отношении, которое она обозначает как уважение. Это уважение подобно аристотелевской *φιλία πολιτική* («политической дружбе»), не нуждающейся в близости и интимности. Она выражает уважение к личности, которое не зависит от её

качеств, способных вызывать восхищение, или от успехов, которые мы ценим. Х. Арндт выражает уверенность в том, что современная утрата уважения личности происходит от убеждения, что его заслуживает только нечто ценное и удивительное, и это, по её мысли, является знаком обезличивания публичной и социальной жизни.

«Власть прощать» и «власть обещания» философ связывает с требованием уважения личности как таковой. Власть возникает там, «где люди собираются и действуют совместно <...> Сила, скрепляющая эту совместность – есть связующая сила взаимного обещания» [5, с. 324]. «Нравственность в поле политики так или иначе не может апеллировать ни к чему кроме способности обещать и ни на что не может опереться как на добрую волю с готовностью принять весь риск и всю опасность, каким неизбежно подвержены люди как действующие существа, прощать и позволять себя прощать, обещать и сдерживать обещания» [5, с. 326]. Это те единственные нравственные предписания, которые не навязаны извне, а возникают прямо из бытия людей друг с другом, насколько оно определяется поступком и словом.

Подлинное социальное и политическое бытие требует человечности, носителем которой является человек, обладающий мужеством быть персонально ответственным за обещания. Он понимает политику не как «грязное дело» или разновидность шоу-бизнеса. В публичном пространстве политики он видит шанс – осуществлять совместную волю. Его поведение направлено на доверие сограждан, на равноправие и надежду на взаимность, а также на понимание и уважение Другого.

В 60-е годы XX в. «позитивный экзистенциализм» О. Ф. Больнова, представляя единство социального, этического и экзистенциального [6, с. 30], раскрывает новую защищённость через «надежду», «доверие», «благодарность» как темпоральные экзистенциалы и «дом» и «праздник» – как пространственные [7, с. 113, 115]. У Х. Арндт «новая защищённость» осуществляется через политическую этику, которая сама является экзистенциалом и атрибутивным свойством человеческого.

Учитывая мультинациональность и мультикультурность современного общества, нельзя не заметить, что сегодня как никогда ранее необходимы поиски консенсуса представителей всех социальных групп и партий. Однако находя компромиссы, нельзя забывать о высших целях. Поэтому философы такого радикального толка, как Ханна Арндт, собственно говоря, и являются ориентирами развития. Действительно, необхо-

димо создавать такие социальные пространства, в которых люди чувствовали бы себя не массой, но народом, публикой, гражданским обществом.

Список литературы

1. *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. München ; Zürich, 1986. 1024 S.
2. *Arendt H.* Eichmann in Jerusalem. Ein Bericht über die Banalität des Bösen. 15. Aufl. München, 2006. 440 S.
3. *Арендт Х.* Скрытая традиция : эссе / пер. с нем. М., 2008. 221 с.
4. *Salamun K.* Wie soll der Mensch sein? Philosophische Ideale vom «wahren» Menschen von Karl Marx bis Karl Popper. Tübingen, 2011. 274 S.
5. *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. СПб., 2000. 437 с.
6. *Ломako О. М.* Философия Отто Фридриха Больнова: социальное, этическое, экзистенциальное // Изв. Саратов. ун-та. Нов.сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 30–34.
7. *Bollnow O. F.* Neue Geborgenheit. Das Problem einer Überwindung des Existenzialismus. Stuttgart ; Köln, 1960. 247 S.

Social Philosophy of Hannah Arendt: Political and Ethic Aspects

O. M. Lomako

Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: olga-lomako@yandex.ru

The paper is devoted to the analysis of political, ethical and existential grounds of a man's being in the social philosophy of Hannah Arendt. Actually her philosophy can be considered the political philosophy and thus it focuses on historical perception of society in its human dimension from the Ancient Greeks to modern Europe. The basic concepts of the

philosophy of Arendt – «freedom» and «deprivation of freedom». It is about the origins of total domination, about the need to overcome its effects in the modern civilization through ethical dialogue and political action. The article discusses the historical development of the types of power in the formation of various political forms of society. Social-philosophical analysis of interrelation between the policy and ethics in the process of their historical transformation is revealed through such concepts as «banality of evil», «vita active», «new defence».

Key words: german philosophy, Arendt, existentialism, social philosophy, ethics, policy, history, mass society, alienation, public space, plurality.

References

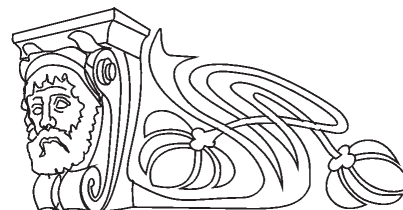
1. *Arendt H.* *Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft* (The origins of totalitarianism). München; Zürich, 1986. 1024 S.
2. *Arendt H.* *Eichmann in Jerusalem. Ein Bericht über die Banalität des Bösen* (Eichmann in Jerusalem: A report on the banality of evil). 15. Aufl. München, 2006. 440 S.
3. *Arendt H.* *Die verborgene Tradition: Acht Essays*. Frankfurt, 1976. 167 p. (Russ. ed.: Arendt Kh. *Skrytaya traditsiya: esse*. Moscow, 2008. 221 p.)
4. *Salamun K.* *Wie soll der Mensch sein? Philosophische Ideale vom «wahren» Menschen von Karl Marx bis Karl Popper* (How can a person be? Philosophical ideal of the «true» people of Karl Marx to Karl Popper). Tübingen, 2011. 274 S.
5. *Arendt H.* *Vita activa oder vom tätigen Leben*. Stuttgart, 1960. 309 p. (Russ. ed.: Arendt Kh. *Vita activa, ili O deyatelnoy zhizni*. St.-Petersburg, 2000. 437 p.)
6. *Lomako O. M.* *Filosofiya Otto Fridrikha Bol'nova: sotsialnoe, eticheskoe, ekzistentsial'noe* (Philosophy of O. F. Bollnow: it's social, ethic and existential aspects). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 3, pp. 30–34.
7. *Bollnow O. F.* *Neue Geborgenheit. Das Problem einer Überwindung des Existenzialismus* (New Security. The Problem of Overcoming of Existentialism). Stuttgart; Köln, 1960. 247 p.

УДК 101.1:316+130.2

ДУХОВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РИСКИ

Лукьяненко Константин Александрович –
ассистент кафедры религиоведения и теологии,
Саратовский государственный университет
E-mail: dakos@inbox.ru

В статье кратко освещены и проанализированы некоторые аспекты развития художественного творчества, зависящие от духовного состояния художника. Автор утверждает, что любое художественное творение запечатлевает в себе духовное состояние художника в момент его создания. Взлеты и падения в творческой жизни художника являются своего рода «духовным

барометром». Художник, стремящийся вести духовно здоровый образ жизни, преимущественно создает сакральное искусство; и, наоборот: художник, ведущий аморальный образ жизни, не думающий о своей духовной чистоте, порождает чувственное искусство, которое в своем предельном развитии является инфернальным. Рассмотрено, как произведения искусства влияют